ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ

Илья ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

НЕВОСПОЛНИМОЕ?

О судьбе личных коллекций

I

Убежден, что в душе почти каждого человека заложена любовь к миру прекрасного — к художественной литературе или изобразительному искусству, к музыке или песне, к театру или к творениям народных умельцев. И нужно порой немногое, чтобы эта любовь стала неотъемлемым спутником всей сознательной жизни.

Случилось так, что с молодых лет я был одержим любовью к русской литературе и к русскому изобразительному искусству, уже с той поры ставшими для меня бескрайним океаном прекрасного.

Именно в поисках еще не выявлявшихся реликвий отечественной культуры уже в те ранние годы я видел назначение своей жизни. А в семнадцатилетнем возрасте подготовил публикацию и напечатал в следующем, 1923 году с подробными комментариями отысканное мною в частном хранении неизданное письмо А. Н. Островского к актеру Ф. А. Бурдину. Именно тогда я стал собирать рисунки наших художников. И с той поры, то есть на протяжении более чем шестидесяти лет, моя увлеченность коллекционированием произведений русского и зарубежного изобразительного искусства не покидала меня.

С годами все чаще я стал задумываться о дальнейшей судьбе мною собранного. По инициативе И. А. Антоновой — директора Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина сотрудники музея подготовили каталог западноевропейской части моей коллекции, в котором было подробно описано около 440 произведений. В 1973 году этот каталог, включавший сто воспроизведений, был выпущен в свет, тогда же в основном здании музея экспонировали эту часть коллекции.

В своей статье «Воспоминания и мысли о собирательстве», предпосланной каталогу, я, в частности, писал о том, что ни один истинный коллекционер не может быть безразличен к дальнейшей судьбе своего собрания. Между тем подавляющая часть личных коллекций, к тому же нередко первоклассных, существовавших в наше время в Москве и Ленинграде, подверглась бездушному и жестокому распылению, так как они неизменно, за редчайшими исключениями, превращались для родственников лишь в ценность материальную. Поэтому единственный правильный вывод, который может сделать серьезный коллекционер: позаботиться самому о будущей судьбе всего того, что он на протяжении стольких лет с такой любовью отыскивал. И если коллекция (я, конечно, имею в виду не только собирание картин и рисунков) стала значительной и представляет интерес художественный или мемориальный, исторический или познавательный, научный или общественный, почти неизбежно одно решение: она должна стать собственностью Родины, взрастившей нас, сделавшей возможным развитие того, что превратилось в потребность нашего сердца.

Думаю, что такова единственная возможность сберечь плоды огромного труда коллекционера, сберечь для того, чтобы не только мы сами, наши друзья и исследователи, которые черпали в наших находках полезное для своих трудов, но и многие-многие люди могли любоваться отысканными нами раритетами, порой извлеченными из небытия, а иногда даже спасенными от гибели и потому почти чудом сохранившимися до нашего времени.

Уже тогда, когда писал это, я был одержим мыслью о необходимости создания Государственного музея личных коллекций, чтобы они были спасены от разбазаривания алчными наследниками собирателей. Ведь благодаря такому музею интересная и ценная коллекция сохранится как единое целое.

Близок к завершению подробный каталог русской части моей коллекции, подготовленный сотрудниками того же Государственного музея изобразительных искусств. В каталоге приведены сведения о 1400 работах отечественных художников, в том числе Боровиковского, Венецианова, Семена Щедрина, Тропинина, Андрея и Александра Ивановых, Кипренского, Орловского, Карла и Александра Брюлловых, Николая Бестужева, Семирадского, Федора Васильева, Боголюбова, Шишкина, Поленова, Сурикова, Репина, Серова, Браза, Остроумовой-Лебедевой, Александра Бенуа, Добужинского, Лансере, Сомова, Бакста, Виктора Васнецова, Серебряковой, Константина Коровина... И хотя значительное количество этих произведений всего лишь акварели, сепии и рисунки, тем не менее многие из них являются произведениями высокого класса. Надеюсь, что в текущем году выйдет каталог этой части моего собрания, которая уже находится в том же музее, где она и будет показана.

Четыре года назад «Правда» поместила статью художника Н. Воробьева «Хотя коллекция личная...», в которой, в частности, имеются такие слова по поводу моей идеи: «Знаю немало людей, готовых безвозмездно передать или завещать музеям свои собрания. Что же сдерживает их? Музеи не обещают выполнить их единственное условие: чтобы коллекция реально стала общим достоянием. Экспонировалась. Как правило, не хватает для этого помещений. Поэтому и принимается решение оставить ценности дома: пусть хоть близкие, друзья любуются... Высказывается предложение, которое могло бы решить эту проблему: организовать Государственный музей личных коллекций, где собиратель, подаривший картины народу, имел бы право на зал с медной табличкой у входа, на которой было бы обозначено его имя».

Дело, конечно, не в медной табличке. Главное в том, что все чаще и чаще многие превосходные коллекции продолжают, по существу, гибнуть. О некоторых таких коллекциях расскажу.

II

Я хорошо знал двух прославленных москвичек, собиравших произведения русской живописи, — знаменитую балерину Е. В. Гельцер и не менее знаменитую исполнительницу русских народных песен Л. А. Руслановy.

В состав коллекции Е. В. Гельцер входили превосходные произведения Серова, Врубеля, Репина, Головина, Сапунова, Коровина и многих других замечательных художников. Но у Екатерины Васильевны самым любимым был Левитан. Ей удалось собрать свыше тридцати его работ. В их числе почти все произведения Левитана, принадлежавшие доктору А. П. Ланговому, лечившему художника, этюд «Весна в Альпах», подаренный им М. Н. Ермоловой и приобретенный у ее дочери Екатериной Васильевной. Ей же принадлежал шедевр художника «Букет васильков» (на левом снимке), на котором надпись: «Сердечному, чудному человеку В. И. Турчаниновой — на добрую память И. Левитан. 1894». (Картина подарена старшей дочери А. Н. Турчаниновой, в имении которой — Горка Тверской губернии — художник впервые поселился в августе 1894 года. То была поистине «болдинская осень» Левитана, когда он создал около двадцати произведений, к тому же высокого класса. Анна Николаевна и ее две дочери до конца жизни художника самоотверженно заботились о нем.) Цветные репродукции этюда «Весна в Альпах» и картины «Букет васильков» даны в моей статье «Подарки Левитана», напечатанной в № 31 журнала «Огонек» за 1950 год.

С чувством глубокой горечи приходится констатировать, что после кончины Е. В. Гельцер ее собрание, ставшее собственностью племянницы, с каждым годом распылялось. Вот вкратце история этого распыления, вернее, гибели коллекции как единого целого, на примере самой замечательной ее части.

В 1960 году в связи со столетием со дня рождения Левитана Третьяковская галерея организовала выставку его произведений. На ней, в частности, были экспонированы 33 работы художника из коллекции Екатерины Васильевны, четыре из которых воспользовавшаяся ее беспомощностью племянница уже продала в разные места. Все они перечислены в каталоге, выпущенном к открытию выставки. В декабре 1962 года Е. В. Гельцер скончалась. Но когда в 1966 году вышла монография А. А. Федорова-Давыдова «Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество», в которой о художнике сказано «великий мастер русского пейзажа», в подробном «Списке произведений Левитана» отмечены лишь 22 его работы, ранее входившие в собрание Е. В. Гельцер, а о трех говорится: «Местонахождение неизвестно». В дальнейшем так же лихо племянница распорядилась и теми 22 произведениями Левитана, которые еще в 1966 году у нее обретались. Простыл след и чудесной картины «Букет васильков», и этюда «Весна в Альпах» с дарственной надписью М. Н. Ермоловой, и других шедевров из того же собрания. А разве не было бы логичнее, если бы все 33 произведения Левитана, собиранием которых Е. В. Гельцер занималась на протяжении десятилетий, украсили Государственный музей личных коллекций?!

Диву даешься, до чего часто горе-родственнички наплевательски относятся к тому, чем духовно жили их близкие.

Весьма печальная судьба постигла и основную часть коллекции Л. А. Руслановой, находившейся в ее квартире. Певица была одержима собирательской страстью. В ее коллекции был одно из лучших полотен гениального пейзажиста Федора Васильева (1850—1873). Но когда в 1975 году Государственный Русский музей и Третьяковская галерея показали выставку, на которой экспонировались все дошедшие до нашего времени работы Федора Васильева, в превосходном каталоге, тогда же выпущенном, об этой картине сказано на 155-й странице: «Подготовительные рисунки для картины «Пейзаж с двумя фигурами у источника», ранее находившейся в собрании Л. А. Руслановой, Москва. (Местонахождение неизвестно)». Куда же исчезла эта замечательная картина?!

Еще в 1972 году в седьмом номере журнала «Художник» научный сотрудник Третьяковской галереи К. В. Фролова напечатала статью «В гостях у коллекционера», посвященную собранию Л. А. Руслановой. Одних только репродукций картин, ей принадлежавших, в журнале опубликовано пятнадцать. А завершается статья словами: «Этими произведениями отнюдь не исчерпывается удивительно интересное собрание Л. А. Руслановой. Оно характеризует ее как многогранного и талантливого человека». Так как Лидия Андреевна коллекционировала с 1934 года, то есть почти сорок лет, то в ее собрании было множество превосходных полотен, в их числе три пейзажа Шишкина, портреты кисти Репина, картины Крамского, Н. Н. Ге, Похитонова, Нестерова, Кустодиева, Головина, Коровина... Особенно мне запомнились две превосходнейшие работы Левитана. Это картина «Последние лучи солнца. Осиновый лес», исполненная им в 1897 году и показанная на XXV юбилейной Передвижной выставке в Петербурге и Москве, а затем экспонированная на посмертной выставке произведений Левитана в 1901 году. Вторая картина Левитана в коллекции Лидии Андреевны была также исполнена в 1897 году и называется «Альпы. Вечные снега», он показал ее на XXVIII Передвижной выставке в 1900 году, а затем ее экспонировали на посмертной выставке. Это два шедевра Левитана. А в десятом номере журнала «Новый мир» за прошлый год в своем мемуарном повествовании «По ступенькам памяти» Сергей Образцов, вспоминая об одном концерте в Доме печати в довоенные годы и сообщая о беседе за кулисами с Л. А. Руслановой, пишет: «Рассказывает, что купила на прошлой неделе в Ленинграде портрет какого-то молодого человека работы Брюллова, Замечательный портрет и недорого, у старушки на чердаке лежал». К сожалению, отсутствует даже перечень тех произведений наших замечательных живописцев, что входили в состав коллекции Лидии Андреевны Руслановой. Куда это делось — неведомо.

В последние месяцы своей жизни Лидия Андреевна страдала инфекционной болезнью, и я имел возможность лишь по телефону сообщить ей о моей мечте — о возможном создании Государственного музея личных коллекций. Эта идея пришлась Лидии Андреевне весьма по душе. И мы условились, что по ее выздоровлении встретимся и подробно поговорим об этом. Но встретиться нам не пришлось: в сентябре 1973 года Лидия Андреевна скончалась.

Смею думать, что с мнением Л. А. Руслановой о целесообразности создания такого музея совпало бы и мнение Е. В. Гельцер — ведь детей у них не было.

Считаю необходимым сообщить, что в грозные дни лета 1941 года, когда из Москвы эвакуировались музейные сокровища, председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР М. Б. Храпченко проявил государственную заботу о судьбе лучших московских коллекций по части изобразительного искусства. Таковыми считались коллекции Е. В. Гельцер, Л. А. Руслановой, моя и другие. Работникам Третьяковской галереи было поручено тщательно упаковать собранное нами и отправить в глубь страны вместе с музейными сокровищами. А после победного завершения Великой Отечественной войны нам было возвращено все то, что мы сумели на протяжении долгих лет отыскать и собрать.

А вот еще один пример гибели коллекции.

Произведения художников творческого объединения «Мир искусства» многие годы приобретал поэт, переводчик и драматург К. А. Липскеров. С какой любовью Константин Абрамович продолжал собирать работы «мирискусников» даже тогда, когда его зрение стало сдавать. Сколько времени и энергии, да и почти все свои многочисленные литературные заработки он тратил на пополнение коллекции. Прямых родственников у него не было. А когда он скончался, коллекция была расхищена и попала в руки спекулянтов.

Нередко я бывал в Долгом переулке у В. Н. Виноградова, знаменитого московского терапевта, академика Академии медицинских наук, Героя Социалистического Труда. В его коллекции были подлинные шедевры русской школы живописи. Хорошо помню кисти М. А. Врубеля превосходнейший портрет переводчика и издателя конца прошлого века П. П. Кончаловского-старшего (отца известного художника), он мог бы стать украшением наших лучших музеев. Помню на всю стену пейзаж И. И. Шишкина. Могу назвать и другие находившиеся в этой коллекции капитальные работы мастеров отечественного изобразительного искусства. Хочется верить, что все это сохранилось полностью.

Отнюдь не в молодом возрасте стал завзятым коллекционером кандидат экономических наук Я. Е. Рубинштейн. К тому же его основное увлечение представлялось всем нам, его друзьям и знакомым, почти непостижимым, — Яков Евсеевич поставил своей целью собрать плакаты времени первых послереволюционных лет. Но ведь плакаты живут всего лишь день-два, их смывает дождь и снег. Тем не менее Я. Е. Рубинштейну удалось отыскать около ста пятидесяти плакатов, исполненных в те далекие годы нашими художниками. И так как почти все из найденных им плакатов из-за плохой сохранности были близки к гибели, по его настойчивым просьбам их привели в надлежащий вид в Центральных реставрационных мастерских имени академика И. Э. Грабаря. И вся эта коллекция плакатов, озаглавленных «Агитационно-массовое искусство первых лет Октября», несколько лет экспонировалась в нашей стране и на специально устроенной выставке в ряде городов Италии.

Большая удача сопутствовала Якову Евсеевичу и в другом его увлечении — он разыскал прекрасные экземпляры фарфоровых изделий первого десятилетия Советской власти. Сейчас Министерство культуры СССР готовит для экспонирования в Англии выставку «Советский фарфор и рисунки тканей 1920-х годов», где будет показано и отысканное Рубинштейном.

Успехом завершилось еще одно его увлечение — он собрал свыше трехсот акварельных и карандашных портретов и автопортретов наших художников.

В журнале «Искусство», № 2, 1983 г., под общим заглавием «История одной коллекции» появились три статьи о собирательских достижениях Я. Е. Рубинштейна — Г. Г. Поспелова, С. В. Ямщикова, а также самого коллекционера.

Интерес к находкам Якова Евсеевича был настолько велик, что они экспонировались в нашей стране не только в Москве и Ленинграде, но еще в двенадцати городах, а количество печатных каталогов, выпущенных в связи с этими выставками, дошло до пятнадцати.

В 1983 году Я. Е. Рубинштейн скончался. Завещания он не оставил. И тогда незамедлительно появился его сын от первого брака. Далее произошло то, что в подобных случаях часто бывает. Добившись получения части коллекции отца, сын сразу занялся распродажей и за несколько месяцев пустил по ветру многое из того, что отец с такой любовью собирал на протяжении десятилетий.

Вполне можно себе представить, как был бы счастлив Яков Евсеевич, если бы все, им собранное, поступило в Музей личных коллекций.

Интересная коллекция была у академика В. Ф. Миткевича. В его собрании основное место занимали работы Левитана. И хотя прямых наследников у него не было, его коллекция пропала. Что касается известного медика профессора Я. Г. Эттингера, то он приобретал только работы Левитана, к тому же наиболее интересные. После трагической гибели этого ученого лишь некоторые из его находок обнаружились в дальнейшем в других коллекциях. В настоящее время известны только девять таких работ. Но ведь их было у Я. Г. Эттингера значительно больше.

Могу назвать по крайней мере еще двадцать личных коллекций произведений русского изобразительного искусства, существовавших на протяжении последних десятилетий в Москве и Ленинграде, о дальнейшей судьбе которых мы почти ничего не знаем. Так, существовала большая коллекция московского артиста эстрады Г. И. Афонина. Сейчас известно местонахождение только одной из тех картин — «Болгарские мученицы» Константина Маковского (1877 г.). Об этом замечательном полотне я говорю в статье «Репин в годы борьбы России за независимость славян» (в первом томе издания «Художественное наследство. Репин». Редакция И. Э. Грабарь и И. С. Зильберштейн. М., 1948, стр. 390—391). Но где сейчас обретаются многие другие произведения, которые входили в состав того же собрания?

Коллекционером был также главный режиссер Московского театра оперетты Г. М. Ярон. В том же томе в другой своей статье, «Новонайденный и утраченный Репин», я воспроизвел входивший в состав собрания Ярона превосходнейший этюд для головы царя Ивана Грозного, написанный Репиным в 1883 году с художника Г. Г. Мясоедова. И единственное, что ныне может дать представление об этом этюде, — цветная репродукция (снимок справа).

На протяжении долгих лет картины русских художников собирал ленинградский географ М. А. Сергеев, друг К. А. Федина. И как только Михаил Алексеевич скончался, его собрание было в буквальном смысле слова разворовано.

Печальна и судьба коллекции другого ленинградца — доктора искусствоведения И. А. Бродского (племянника знаменитого художника). С ним я делился мыслями о создании Государственного музея личных коллекций. Он отнесся к этой идее весьма положительно, считая, что такой музей вполне можно осуществить и в Ленинграде. Даже называл имена некоторых коллекционеров, которые безусловно были бы согласны передать собранное ими в такой музей.

Боюсь, что вы, уважаемые читатели, устали даже от этого небольшого количества примеров распыления или гибели личных коллекций. Но убежден, что каждый из вас, и в первую очередь настоящие, одержимые коллекционеры, которые в течение долгих лет увлечены этой страстью, придут к тому единственно правильному выводу, к которому пришел я. И чем скорее такой музей будет создан, тем больше превосходных реликвий культуры станут его украшением.

Хотя в недавние десятилетия погибло много частных собраний творческих произведений мастеров изобразительного искусства, все же и в настоящее время в Москве, Ленинграде и в ряде городов нашей страны известно значительное количество таких коллекций, и даже добротных. И если их владельцам придется по душе идея создания подобного рода музея, то в дальнейшем его может украсить собранное ими с немалыми трудностями.

III

На большую статью хватило бы сообщений о том, сколько времени и труда, какое количество хождений требуется порой, чтобы приобрести то или иное произведение изобразительного искусства. В моей коллекции свыше пятидесяти работ И. Е. Репина, из которых десять исполнены масляными красками. Все они доставались нелегко. Но до конца жизни буду помнить, сколько пришлось затратить усилий, чтобы приобрести лучшее из всех существующих пейзажных созданий великого живописца. Это написанная им в 1879 году картина «В. А. Репина на мостике в Абрамцеве», которую художник экспонировал на своей первой персональной выставке в 1891 году в Петербурге, в залах Академии художеств. Узнав, что картина принадлежит известному ленинградскому врачу Р. Е. Ратнеру, я в 1947 году получил разрешение впервые ее воспроизвести в первом репинском томе «Художественного наследства». А когда в следующем году этот том вышел в свет, а второй том появился в 1949 году, я обратился к Рафаилу Ефимовичу с просьбой уступить мне это чудесное полотно. В те времена по делам редакции «Литературного наследства» я ездил в Ленинград по четыре-пять раз ежегодно. И не было случая, чтобы в каждый из кратких приездов я снова и снова не навещал Ратнера.

Получив в 1949 году солидный гонорар за девять исследовательских работ объемом в двадцать авторских листов, напечатанных в этом двухтомнике, а также за редакторскую работу (всего в двухтомнике свыше 130 авторских листов и 283 иллюстрации), я всю ту весьма значительную сумму отдал владельцу за репинский шедевр. У меня сохранилось письмо Ратнера от 20 октября 1950 года, в котором такие строки: «Так как Вы уже несколько лет «гнались» за этой картиной и подошел момент, когда по материальным обстоятельствам мне нужно было ее ликвидировать, то уступил ее Вам. Тем более что уступил ее человеку, глубоко интересующемуся работами И. Е. Репина и обладающему, насколько мне известно, таким прекрасным собранием картин, где и картина будет находиться. Примите мое искреннее уважение и почтение к Вам. Р. Ратнер».

И до сих пор помню, как я был счастлив, когда, передав ему просимую сумму и получив эту картину, я в темный вечер, в проливной дождь уносил ее из квартиры Рафаила Ефимовича на улице Майорова в гостиницу «Астория», где останавливался. Ведь он несколько раз менял свое решение уступить мне картину, и я боялся, что это снова повторится. Поэтому ливень и тяжесть картины не были для меня помехой.

Но чаще из-за отсутствия материальной возможности приходилось отказываться от приобретения весьма приглянувшегося мне художнического создания. Тогда я сообщал об этом тем из своих добрых знакомых и друзей, которые «болели» той же коллекционерской страстью. Так, в 1947 году в Ленинграде мне предложили приобрести левитановский «Букет васильков», о котором упоминал выше. Но так как из-за безденежья сделать этого не смог, то сообщил Е. В. Гельцер адрес владельца картины, и она ему написала о готовности приобрести за назначенную им сумму.

Таких случаев было в моей жизни много, когда отысканные и запавшие в душу картины, акварели и рисунки меня миновали.

Сердечно рад, что мою коллекционерскую страсть поощряли видные деятели нашей культуры.

Еще до выставки западноевропейской части моей коллекции член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров в своей книге «Записки собирателя» (Л. 1969 г.) отмечал: «Частные собрания рисунков русских художников несравненно более обширны и более качественны, нежели коллекции иностранных рисунков. В Москве я на первое место ставлю коллекцию И. С. Зильберштейна, владеющего прекрасным подбором рисунков художников «Мира искусства», Репина и наших классиков, в первую очередь Александра Иванова». В своей статье «Выдающаяся коллекция», посвященной выставке западноевропейской части моего собрания («Огонек», № 15, 1974), Сидоров писал: «Что надо для того, чтобы не только собирать, но и собрать, создать и всенародно показать произведения искусства далеких или близких нам лет? Нужна бескорыстная любовь к искусству. Умение отличить искусство подлинное от подделок — фактических, «сфабрикованных» особыми профессионалами темных таких дел, — или подделок, произведений псевдоискусства, чего-либо низкопробного или ложно сенсационного, модного. Собиратель должен очень хорошо знать свой материал, иметь чутье к подлинной ценности, верный глаз, — а бывали «коллекционеры», про которых говорили, что у них «свиной» глаз. И счастье должен иметь собиратель! Удача сопутствует не всякому искателю. Но прежде всего наш советский собиратель обязан быть гражданином, собирать не «для себя» только. Всеми этими чертами обладает И. С. Зильберштейн, доктор искусствоведения, писатель-литературовед и очеркист, инициатор знаменитого «Литературного наследства». Его коллекция по интересности ее для специалистов, по подбору шедевров рисунков и живописи самых разных стран и времен, по нашему мнению, одна из лучших в столице. Выставка, о которой идет речь, показала только часть, и, может быть, еще не самую ценную, замечательного собрания — западноевропейский рисунок и живопись XVI—XIX столетий».

Журнал «Художник» (№ 2, 1974) откликнулся на ту же выставку статьей члена-корреспондента АН СССР В. Н. Лазарева, озаглавленной «Собрание уникальных рисунков». Вот некоторые мысли, высказанные им в этой статье: «Устроенная в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина выставка рисунков западных мастеров примечательна прежде всего тем, что ее собрал один человек, и притом в условиях, мало благоприятных для коллекционирования... Среди собранных им рисунков встречаются произведения и голландцев (Брамер, Рембрандт), и итальянцев (Камбиазо, Гецци, Д. Тьеполо), и французов (Вердье, Лепотр, Сент Обен, Гюбер Робер и др.), и немцев (Ходовецкий). В частности, превосходны два рисунка Жана-Луи Форена («Это, это годится только для кладбища!» и «Молодой человек в цилиндре»). В первом из этих рисунков есть острота Тулуз Лотрека, который, как известно, находился под большим влиянием Форена. Но сила собрания Зильберштейна не в отдельных рисунках различных школ. Их можно найти в большом количестве и лучшего качества в музейных коллекциях. В чем собрание Зильберштейна по-своему уникально — это в подборе великолепных архитектурных рисунков, безотносительно к тому, принадлежат ли они архитекторам, декораторам или живописцам. Рисунки такого высокого качества встречаются редко, что показали недавно устроенные в Венеции выставки работ Гонзаго и Кваренги, где листы из собрания Зильберштейна заняли бы почетное место».

Конечно, эти теплые слова о моей собирательской деятельности еще в большей степени стимулировали мои дальнейшие поиски интересных произведений наших художников. И на протяжении десятилетия, истекшего со времени экспонирования той выставки, я продолжал находить такое, что должно было служить украшением будущей выставки русской части моей коллекции.

Многие из отысканных мною произведений изобразительного искусства легли в основу моих научных исследований. Так, одна из счастливейших находок — созданные декабристом Н. А. Бестужевым в Читинском остроге и Петровской тюрьме 76 акварельных портретов его соузников и их жен — подтолкнула меня на подготовку книги «Художник-декабрист Николай Бестужев», удостоенной Государственной премии СССР.

IV

В Музее личных коллекций, как мне кажется, могут быть не только собрания произведений изобразительного искусства. Сообщу о нескольких уникальных коллекциях, которые обогатили бы такого рода музей.

Московский инженер П. М. Матко собрал интереснейшую коллекцию, посвященную «Бравому солдату Швейку», герою бессмертного произведения Ярослава Гашека. В коллекции двадцать пять разделов: «Ярослав Гашек в революционной России», «Швейк в театре», «Швейк в опере», «Швейк в кино», «Швейк в скульптуре» и другие. В своей статье «Писатель, солдат, комиссар», посвященной 90-летию Ярослава Гашека и напечатанной 30 апреля 1973 года в «Правде», Борис Полевой писал: «Популярность Ярослава Гашека всемирна. В Советском Союзе она особенно велика, потому что биография автора тесно связана с героическими годами нашей советской истории». И далее: «Одним из самых ярких и своеобразных выражений любви и уважения советских людей к писателю - интернационалисту является музей Ярослава Гашека, созданный в Москве, так сказать, на общественных началах инженером П. М. Матко. Здесь огромное собрание книг, вышедших на разных языках, здесь великолепная коллекция иллюстраций, где рядом с рисунками Йожефа Лады, ставшими классическими, есть иллюстрации таких советских художников, как Борис Ефимов, Иван Семенов, Евгений Бедерников. И, конечно же, украшение музея — бесчисленные изображения бравого солдата Швейка, поступившие из различных стран. И у этого самодеятельного музея, собранного бескорыстным и увлеченным человеком, уже международная слава. Его экспонаты девять раз демонстрировались на разных выставках, на фестивалях юмора и сатиры и у нас, и за границей».

Думаю, что очень многим ознакомление с этим собранием доставило бы большую радость. Но где оно сейчас, сохранилось ли?

С молодых лет внучатый племянник А. П. Чехова — Сергей Сергеевич Чехов стал собирать печные изразцы и другую старинную керамику XVII—XVIII веков. Не знаю, каких размеров достигла эта коллекция. Но убежден, что она приобрела музейный характер. Почему же ее не экспонировать в Государственном музее личных коллекций?

В журнале «Огонек» я прочитал заметку о том, что главный инженер «Ленгаза» В. А. Горшков собрал более двух с половиной тысяч старинных орденов и медалей, многие из которых уникальны. Среди них сохранилась такая редкость, как медаль, выбитая в честь Л. Н. Толстого в 1917 году.

Свыше семисот фотографий Ф. И. Шаляпина, некоторые с его дарственными надписями, собрал А. Н. Телешов, сын известного писателя Н. Д. Телешова. Частым посетителем телешовских «сред» был Шаляпин. И если нынешний владелец этой коллекции внук писателя Владимир Андреевич Телешов мечтает сохранить ее в виде целостного собрания, то разве для этого не будет лучшим местом Государственный музей личных коллекций?

В таком музее посетители будут рады увидеть интересные частные собрания творений народных умельцев, старинных гравюр, экслибрисов (ведь некоторые из них — маленькие шедевры).

В недавние годы в Москве существовала замечательная коллекция русских дореволюционных книжных знаков, которую собрал Е. Я. Непомнин. В ее состав входили такие редкости, как экслибрисы с фамильными гербами владельцев библиотек от начала XVIII века вплоть до 1917 года. Какой всемирной популярностью пользуется этот вид собирательства, можно судить по тому, что в 1984 году в Веймаре происходил XX Международный конгресс экслибрисистов, в работе которого принимали участие наши делегаты. Когда собиратель скончался, коллекция подверглась расхищению знающими толк в ценности такого рода старинных книжных знаков. Нет сомнений, что это хищение было сделано с определенной целью. Но существует Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», статья 28-я которого гласит: «Вывоз памятников истории и культуры за пределы СССР запрещается. Исключение из этого правила допускается лишь в особого в каждом отдельном случае разрешения, выдаваемого в порядке, определяемом законодательством Союза ССР».

Мир коллекционерских увлечений велик. Нет сомнений, что такой музей заполнят многие содержательные коллекции. И было бы замечательно, чтобы он был создан при солидном музее, например, при Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Некоторые пожелания.

После передачи в Музей личных коллекций значительного собрания хотелось бы, чтобы составлялось его научное описание, которое ляжет в основу печатного иллюстрированного каталога.

Чтобы даритель или его наследники получили обязательство авторитетной инстанции о том, что коллекция не будет разрозняться и никакие ее части не будут передаваться в другие музеи.

При Государственном музее личных коллекций следовало бы учредить ученый совет, в компетенцию которого вошло бы решение вопроса о включении в состав такого музея того или иного собрания.

И если станет наконец реальностью идея создания такого музея, я первым передам туда полностью русскую и западноевропейскую часть моего собрания, поисками и находками для которого занимался на протяжении свыше шестидесяти лет. Убежден, что таким же будет решение и многих других коллекционеров нашей страны.

Нет сомнений и в том, что к подобному выводу придут и некоторые наши бывшие соотечественники, в силу различных обстоятельств давно оказавшиеся за рубежом и ставшие завзятыми коллекционерами. Могу привести данные о том, как многочисленны факты отправки в родные края ими собранного, и как это перспективно, и как участились бы такие случаи, будь у нас создан Музей личных коллекций. Но это особый разговор, и я надеюсь получить возможность к нему вернуться, когда будет решен главный вопрос, поставленный в этой статье.

В квартире Е. В. Гельцер. Народная артистка СССР М. Т. Семенова поздравляет ее с 85-летием.